

Елена Помазуева

ВОРОЖЕЯ. ПРАКТИКА В ПРОВИНЦИИ КАМАРГ
НАСЛЕДНИК ДЛЯ ИМПЕРАТОРА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Елена Помазуева

Наследник для императора

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2017
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П55

Серия основана в 2011 году
Выпуск 297

Художник
А. Клепаков

Помазуева Е. А.

П55 Наследник для императора: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2480-1

Кетрин Гротт потрясена неожиданным предложением незнакомки. Ее, одну из лучших девушек в заведении мадам, просят втайне родить ребенка от чужого мужа. Однако вознаграждение столь велико, что девушка не в силах отказаться. Сюрпризы начинаются позже, когда Кетрин вместе со своей нанимательницей Ингрид оказывается в Орлином гнезде — уединенном домике высоко в горах.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Помазуева Е. А., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2480-1

ПРОЛОГ

— Дрегас, тебе придется выбирать — или жизнь ребенка, или Ингрид, — произнес человек в черном, внимательно глядя на женщину, лежащую на постели.

— Я не могу! — в отчаянии прохрипел высокий мужчина.

Его плечи поникли, видно было, что ему чрезвычайно тяжело, просто невыносимо смотреть на любимую женщину, которая металась в родовых муках уже несколько дней. Одет он был по-домашнему, в рубашку и штаны темно-зеленого цвета, отчего еще сильнее бросалась в глаза бледность лица. Сейчас на нем читалось сострадание к любимой и отчаяние, оттого что не может ей ничем помочь.

— Дрегас, ты должен решить, — жестко произнес человек в черном. — Если промедлишь, я не смогу спасти никого!

— Ты говорил, что в этот раз все получится, — хрипло, словно вырывая каждое слово из отягощенной переживаниями души, произнес Дрегас.

— Почти получилось, ты же все знаешь, — чуть смягчил свой тон человек в черном. — Ингрид оставалось лишь два месяца.

— Два месяца, — прошептал будущий отец ребенка.

— Дрегас! — Он встряхнул за плечи несчастного мужчину. — Возьми себя в руки и прими решение! Промедление означает смерть обоим — матери и нерожденному ребенку.

— Я не могу, — еле слышно прозвучал ответ.

— Любимый, — тихо позвала Ингрид, — тебе нужен наследник.

— Ингрид, — присел на край постели Дрегас. — Ты дорога мне, я не смогу жить без тебя, — прошептал он, прижимая ее горячую кисть руки к своим губам.

— Наследник... наш ребенок, — делая паузы между словами, произнесла Ингрид.

Супруги встретились взглядами и были не в силах прервать этот молчаливый разговор. Они понимали друг друга без слов по выражению глаз, по оттенкам эмоций, мелькающих на лицах. Муж и жена даже дышали в унисон — тяжело, хрипло, с болью в сердце.

— Торонт, спасай мою жену, — твердо произнес Дрегас, поднимаясь с постели.

— Дрегас, — прошептала роженица, не сводя встревоженного взгляда со своего мужа.

— Сделай невозможное, но чтобы Ингрид жила! — громко и решительно произнес он, подходя к своему другу.

Торонт и Дрегас обменялись взглядами. У одного во взоре читалось понимание и сочувствие, у другого — отчаянная решимость. Если бы от Дрегаса хоть что-то зависело и не стоял этот ужасный выбор между любимой женой и нерожденным ребенком... Если бы он мог! Но, увы, единственным человеком с магией целителя был его друг, которому он верил как самому себе, а потому оставалось только уповать на судьбу, что Торонт спасет его Ингрид.

— Дрегас, можешь уйти, — мягко предложил Торонт.

— Нет! — резко выдохнул Дрегас в ответ, словно бросил нож под ноги, и отошел в самый дальний угол.

— Я бы не советовал тебе оставаться, но если ты настаиваешь... — развел руки в стороны целитель и направился к ожидающим его указаний помощницам.

Слова Торонт произносил твердо и четко, тоном человека, знающего, что ему предстоит. Помощницы, выслушав приказания, в тот же миг принялись каждая за свое дело. Комната, освещенная до сего времени несколькими канделябрами, вспыхнула ярким магическим светом, от которого роженица закрыла глаза и стиснула губы, стараясь быть сильной перед предстоящим испытанием. Ее супруг и повелитель сделал свой выбор, самый болезненный для ее сердца, а потому нужно держаться изо всех сил и быть такой же мужественной, как он. Ингрид не была согласна с мужем, она бы предпочла отдать

свою жизнь, лишь бы ребенок, плод их любви, жил рядом со своим отцом, но спорить сил не было.

«Я женщина, я должна быть сильной. Дрегасу сейчас гораздо хуже, чем мне. Легче, конечно, умереть и перестать бороться, но я не могу оставить своего супруга. Ему потребуется вся моя любовь, чтобы помочь пережить очередной удар судьбы». Эти слова Ингрид говорила себе мысленно, повторяя как молитву, понимая, что сейчас ей самой потребуется много сил, чтобы выжить.

В это время шли приготовления к операции. Магические шары, ярко вспыхнувшие под высоким потолком большой комнаты, давали холодный белый свет, подчеркивая бледность всех присутствующих. Роженица с влажными и спутанными волосами, в беспорядке разметавшимися по подушке, с закрытыми глазами и молящаяся всем богам о своем супруге, выглядела слишком маленькой и хрупкой на широкой постели. Тонкая белая простыня, которой она была накрыта, только подчеркивала ее неестественную бледность. Дрожащими руками она обнимала свой большой живот, словно прощаясь с ребенком, жизнь которому так и не смогла дать.

— Начинаем, — отдал короткий приказ Торонт и сдернул простыню с роженицы.

Вокруг кровати с приготовленными инструментами, разложенными на полотенцах, встали помощницы. Их строгие лица не выказывали никакого волнения, сосредоточенное выражение говорило о готовности и решимости перед предстоящей операцией.

— Торонт, ты уверен, что нет никаких шансов? — раздался хриплый голос Дрегаса из дальнего угла, где он сидел в глубоком кресле и очень внимательно следил за всем происходящим.

— Да, Дрегас, — обернувшись к своему другу, строго и уверенно произнес целитель. — Но Ингрид будет жить. Это я тебе обещаю.

Легкая улыбка скользнула по губам Торонта, и он больше не отвлекался ни на что постороннее в этой комнате. Ему предстояла тяжелая операция по извлечению плода из чрева роженицы.

Дрегас стиснул подлокотники, едва завидел небольшой замах короткого целительского ножа, сверкающего на лезвии магией. Ингрид тяжело застонала, но после легкого прикосновения одной из помощниц провалилась в спасительный сон.

— Слишком слаба, — без эмоций произнес Торонт.

— Она выживет? — вскочил на ноги Дрегас.

— Да! Бездна тебя побери, Дрегас! Я же сказал, что Ингрид будет жить! — рявкнул он.

После этих слов Дрегас остался стоять на том же месте, не в силах сесть обратно в кресло и отвести встревоженный взгляд от жены. Его высокий рост позволял видеть все, что происходило за спинами помощниц целителя. Он сжимал и разжимал кулаки, понимая всю свою беспомощность. У него есть магия, ее сила огромна, но он ничем не может помочь.

— Ребенка извлекли, — взволнованным голосом произнес Торонт и обернулся к своему другу, держа на руках безжизненное тело младенца.

Это был дракон. Маленький, с крохотными неразвитыми крыльями. Его глаза закрыты, тело не покрыто чешуей, махонькие лапы — с едва намеченными когтями.

— Отдай его мне! — буквально ринулся к целителю несчастный отец.

— Дрегас, ты не можешь ему помочь. Он мертв, — покачал головой Торонт.

Но отец-дракон не желал ничего слушать. Он схватил безжизненное тельце своего ребенка и прижал к себе.

— Он — дракон! И моя магия может ему помочь, — резко сказал Дрегас.

— Без шансов, — с сожалением произнес Торонт. — Ему нужен был еще один оборот, чтобы родиться человеком.

Но Дрегас уже не слушал, в его сердце поселилась крохотная искра надежды, что есть шанс, да пусть даже хоть четверть шанса! Ведь его сын — дракон, и его магия теперь может сделать хоть что-то.

Дрегас вливал в безжизненное тельце свою силу и магию, становясь с ним единым целым. Он чувствовал, как у сына расправляются легкие, напрягаются мышцы сердца, подчиняясь

невероятной магической силе. И сердце стукнуло раз, потом другой и еще. Он радостно посмотрел на Торонта.

— Его сердце стучит!

— Твоя магия заставляет его работать, но это не жизнь, — с сочувствием произнес Торонт.

Как целитель он понимал всю тщетность попыток друга. Ингрид — человек, а Дрегас — дракон. Их ребенок должен был пройти все восемь оборотов в теле матери, чтобы родиться здоровым. Женщина может родить только человека. Опасными периодами во время беременности были именно те моменты, когда плод был в виде дракона. Человеческий организм отторгал его, как инородный. Что, собственно, и произошло.

— Работаем дальше, — отвернувшись от потерявшего всяческую надежду отца-дракона, приказал Торонт.

Операция шла своим чередом. Помощницы со знанием дела сшивали все ткани от стенок матки до внешнего слоя кожи, а целитель накладывал заклинания, помогающие швам заживать быстрее. Сосредоточенно, быстро и очень умело. Каждый знал свое дело, и люди действовали слаженно, на подхвате друг у друга.

— Все, — наконец произнес Торонт.

Дрегас продолжал стоять со своим мертвым ребенком на руках. Он не оставил попыток оживить сына, но вскоре ему пришлось признать правоту Торонта — только магия заставляла биться сердце младенца. Этот мальчик никогда не вырастет, не расправит крылья в небесах и не сможет ощутить сладость полета над облаками.

— Дрегас, — тихо позвал Торонт. — Ингрид будет жить.

— Да, ты обещал, — безучастным тоном согласился с ним друг.

— Дита, заберите ребенка, — повернувшись в сторону, приказал Торонт, понимая, что это необходимо.

Дрегас — могучий дракон, его грозный взгляд заставлял трепетать любого человека, но сейчас перед ним стоял несчастный отец, потерявший своего еще не рожденного ребенка. Дракона.

— Как Ингрид? — охрипшим голосом спросил Дрегас после долгой паузы.

— Она спит. В ее состоянии это самое лучшее, — успокоил его Торонт. — Присядь, нам надо поговорить.

— Не будем ей мешать, — со смесью нежности, любви и отчаяния посмотрел на свою супругу Дрегас.

— Тогда поговорим в твоем кабинете, — согласился с ним Торонт.

Мужчины покинули комнату, вновь погружившуюся в полумрак. Магические светильники погасли, и только тусклый свет свечей разгонял тьму. Помощницы целителя наводили вокруг порядок. Обессиленная Ингрид спала глубоким магическим сном, в который погрузил ее Торонт, и только легкое движение груди выдавало, что это все же сон. Смерть забрала ребенка, но не женщину. Вскоре помощницы погасили и свечи, оставив лишь две у изголовья кровати, погрузив комнату с задернутыми шторами во тьму.

— Удивительно, как она выдержала пять дней, — тихо произнесла одна из них.

— Господин Торонт все это время поддерживал ее своей магией, — поделилась другая.

— Если бы не он... — задумчиво протянула первая собеседница.

— Погибли бы и мать и дитя, — согласилась с ней вторая.

В кабинет подали несколько бутылок красного драконьего вина, кувшин с водой и мясные закуски. За последние дни два друга даже не прикоснулись к еде и держались только благодаря магии. Уставшие, они расположились у погасшего камина, где подле их ног тотчас же обосновалась любимица хозяина дома. Собака заглядывала в печальные глаза своего господина и ждала только знака, чтобы подбежать и утешить его, но дракон смотрел мимо своего преданного четвероногого друга в угасший камин, символизирующий его утраченные мечты.

— Дрегас, выпей вина, — предложил Торонт.

Он понимал, что тому сейчас очень тяжело, и самое лучшее в такой ситуации — это дружеская доверительная беседа.

— Почему? Почему нельзя было спасти их обоих? — тихо прошептал в отчаянии Дрегас.

— Я уже говорил тебе, что в этом случае пришлось выбирать. Либо пожертвовать ребенком в пользу матери, либо стимулировать выброс магии у плода во время прохождения родовых путей, что привело бы к смерти Ингрид, — вновь повторил то, что уже говорил ранее, Торонт.

Тяжелый выбор — мать или дитя, и Дрегасу пришлось его сделать. Целитель не мог сказать себе, какой бы выбор сделал он. Но переживания друга понимал и принимал близко к сердцу.

— Шестой раз... — вздохнул Дрегас. — За что боги решили покарать мой род? Почему Ингрид не может родить нормального ребенка?

— Она человек, ты дракон, — мягко ответил ему целитель.

— Но ведь рождаются полукровки! — сверкнул на него недовольно глазами Дрегас.

— Рождаются, — согласился с ним Торонт. — Ингрид не повезло в первый раз, когда выкидыш случился после падения с лошади. Ей нужно было не торопиться и переждать, чтобы ее репродуктивная система вошла снова в норму, но вы не желали ничего слушать.

— Мы ждали три года! — рыкнул на него Дрегас.

— Получается, что мало, — пожал плечами Торонт. — С тех пор человеческий организм Ингрид воспринимает беременность драконом как угрозу и избавляется от нее. Конфликт крови, материи, магии.

Дрегас стиснул кулаки, устремив свой взгляд в потухший камин. Перед его глазами всплывали картины из прошлого. Пять раз они уже сидели в этом кабинете, и его друг и целитель Торонт Сирежский объяснял снова и снова причины выкидышей у его жены. Супруги долго переживали, утешали друг друга и надеялись вновь на ниспослание чуда. Но прибавлялись лишь потери. И сегодня могла бы стать невосполнимой утрата, если бы смерть унесла в своих костлявых руках не младенца, а Ингрид. Дрегас знал, что жена, едва очнувшись, упрекнет его в неверном выборе, потому что ей больше жизни хотелось подарить любимому наследника. Дракон понимал: кроме слов утешения ему предстоит оправдать свой жестокий выбор.

— Дрегас, есть еще одно... — замялся Торонт.

— Говори. Хуже все равно быть не может, — не отводя взгляда от камина, отозвался тот.

— Ингрид больше не сможет иметь детей, — делая над собой усилие, с трудом выговорил целитель.

— Что? Что ты сказал? Почему? — резко вскинулся Дрегас и впился полыхающим взглядом в друга.

— Слишком долго мы ждали в надежде на оборот драконенка, — свел брови к переносице Торонт, понимая, что сейчас причиняет невыносимую боль другу, который взволнованно смотрел на него. — Начался воспалительный процесс, потому что малыш порвал ткани, переворачиваясь внутри.

— Ты мог ее вылечить! — сквозь зубы произнес Дрегас.

— Я вылечил, — глядя прямо в глаза, произнес Торонт, — удалив все, что нужно. Но в результате Ингрид больше не сможет иметь детей.

Дракон еще какое-то время смотрел на друга, сообщившего ужасную весть, а потом уронил голову на грудь, скрывая свое горе.

— Пойми, я не мог поступить иначе, — мягко произнес Торонт и накрыл своей ладонью безвольно повисшую кисть друга.

— Убирайся! — яростно прошипел дракон, даже не дернув рукой.

Торонт сочувственно покачал головой и медленно поднялся. Он понимал, каким ударом для Дрегаса стала такая новость. Они вместе росли с самого детства, много лет жили рядом, поэтому он как никто другой прекрасно понимал душевную боль дракона.

Молча и очень медленно Торонт направился к выходу, обращаясь с каждым шагом в надежде, что друг его остановит. Ведь сейчас дракону особенно были нужны поддержка и доброе слово, но Дрегас сидел все в той же позе, даже жестом не пытаясь остановить единственного друга. Собака подползла ближе к хозяину и ткнулась мокрым носом в повисшую руку, но он не прореагировал. Тихий щелчок двери, и целитель покинул кабинет дракона, оставив его наедине с невеселыми мыслями.

А ведь Дрегасу еще нужно сообщить любимой жене о том, что она больше не сможет родить ему наследника.

ГЛАВА 1

— Девочки, вы должны очаровать клиента так, чтобы он просил задержаться подольше, ну или хотя бы щедро отсыпал премию, — вещала мадам перед самым открытием салона. — Напоминаю, что премия полностью выплачивается вам.

Я прихорашивалась перед зеркалом, поглядывая на недовольную женщину за нашими спинами. Сегодня мадам была не в духе.

— Говорят, постоянный любовник бросил ее, — наклонившись ко мне, прошептала свежую сплетню Лаура.

— В очередной раз? — скептически фыркнула я. — Вернется, куда он денется! Попрыгает и снова сюда завернет.

Мы понимающе перемигнулись с Лаурой, и я продолжила наносить на лицо боевую раскраску. Сегодня обычный рабочий день в нашем заведении, осталось совсем немного, и пойдут первые посетители. Поэтому приходилось поторапливаться, а тут мадам делает нам внушение.

Вообще-то в нашем заведении дела обстоят прилично. Мне часто перепадала упоминаемая премия, Лауре тоже, как и остальным девчонкам. Соперничество, конечно, было, но жесткая дисциплина, вколачиваемая с первых дней в этом доме, давала свои результаты — драки случались чрезвычайно редко. Любой капризный клиент всегда уходил от нас довольный, а дипломатический талант мадам позволял разруливать любую ситуацию.

Девчонки собрались разные, со всех концов империи — брюнетки, русые, блондинки, рыжие. На любой изысканный вкус. Я сразу видела, нравлюсь клиенту или нет. Чем заинтересовать его, что сказать. Этот дар эмпатии достался в наследст-

во от отца. И благодаря заработанным в заведении мадам деньгам счет в банке на мое имя постепенно накапливался. Когда его открывала, даже не верила, что смогу отложить приличную сумму, но последовала совету опытной мадам и теперь очень рада этому. До богатства было еще далеко, можно купить лишь забор к тому домику, что присмотрела, но даже это радовало.

— Время, девочки! Время, — захлопала в ладоши мадам, и на ее лице воссияла самая радужная улыбка. — Итак, мы начинаем! Теодор, открывай двери!

Двустворчатые, из цветного стекла, отделанные ажурной ковкой двери распахнулись по мановению руки нашего швейцара по совместительству охранника. И начался наш веселый рабочий день. Первые посетители входили в основном не очень смело, однако едва переступали порог, как тут же оказывались во власти броского интерьера. Красные магические лампы дарили помещению полумрак, создавая таинственную атмосферу, при этом действуя возбуждающе на мужчин. Со своими способностями эмпата я легко наблюдала эту трансформацию. Если кто-то скромничал и стеснялся, то мадам подавала незаметный знак, и девушки сами подходили к клиентам. Иные, наоборот, предпочитали постоянных партнерш. Я смотрела с легкой улыбкой на парочки, удаляющиеся в отдельные комнаты, чтобы предаться удовольствиям.

— Простите, госпожа, что вы хотели? — раздался басовитый голос Теодора, который спрашивал темную женскую фигуру в светлом проеме дверей.

— Мне нужно поговорить, — запинаясь, ответила женщина.

— С кем? — Тон Теодора был по-прежнему вежливым, но в то же время непреклонный охранник не впускал посетительницу.

Бывали случаи, что жены приходили в наше заведение, выслеживая своих неверных мужей, и пытались устроить скандал. «У нас здесь все прилично!» — говаривала мадам в таких случаях и выставляла скандалистку за порог, где ей приходилось ожидать своего непутевого супруга.

— С одной из девушек, — едва слышно произнесла в ответ перепуганная насмерть женщина.

От нее веяло испугом, решимостью и отчаянием. Она выглядела так, будто это заведение единственное ее спасение в жизни.

— Может быть, с мадам? — вскинул бровь Теодор, предположив, что женщина решила наняться на работу по оказанию услуг.

— Мадам? — озадаченно переспросила женщина.

— Если вы насчет работы, то приходите утром, мадам вас обязательно примет, но должен предупредить: вы слишком стары для нашего заведения. — В голосе охранника были слышны нотки сочувствия.

Теодор понимал, что трудная ситуация, подвигнувшая женщину на такой отчаянный шаг, может случиться в любом возрасте, но он прав. Кто из мужчин захочет смотреть на особу в возрасте, если вокруг достаточно молодых и соблазнительных девушек?

— Нет. Что вы! Нет! — Поняв, о чем говорит Теодор, посетительница окончательно смутилась и даже сделала два шага назад. Но потом, оглянувшись на улицу за своей спиной, решительно шагнула обратно. — Мне нужно поговорить с одной из девушек.

— Теодор, — подошла я к разговаривающей паре, — я поговорю с госпожой. — И следом обратилась уже к женщине: — Но вам придется оплатить мое время.

— Конечно, конечно! — тут же быстро согласилась посетительница, вся дрожа. — Только скажите сколько.

— Хорошо, — растягивая гласные, произнес Теодор, — но учтите: если устроите скандал, я сам вас выведу на улицу.

— Обещаю — никаких скандалов, — судорожно сглотнув, поклялась посетительница.

— Проходите, — сделала я широкий жест рукой в сторону большой гостиной.

И вот женщина вошла в освещенное помещение, что помогло рассмотреть ее подробно, а не только видеть силуэт в дверном проеме. Первое впечатление оказалось правильным: маленькая, чрезвычайно худенькая, даже хрупкая. На волосах, причесанных строго и скромно, небольшая круглая шляпка, скрывающая под густой вуалью половину лица. Темно-фиоле-

товое платье облегалo ее фигуру, а длинная юбка спускалась до самого пола. Все строго и довольно дорого. Странно, что Теодор принял ее за нуждающуюся в нашей работе женщину. Впрочем, в жизни всякое случается. Изыщные кисти рук с тонкими пальцами, не привыкшими к грязной работе, выдавали в ней аристократку. Интересно, что ей здесь нужно?

Мы поднимались по лестнице на второй этаж. Я шла, иногда оглядываясь, чтобы убедиться в присутствии посетительницы и удостовериться, не сбежала ли она. Вдруг посетительница потеряет всю свою решимость, развернется и уйдет? Метания в душе женщины буквально будоражили и меня, подхлестывая неугомное любопытство.

— Проходите, — распахнула дверь своей комнаты.

Точнее сказать, здесь я в основном принимала клиентов, но иногда в ней уединялись и другие пары.

Порядок тут царил относительный; все было живописно разбросано, призывая устроиться с комфортом и получать удовольствие. Женщина быстро оглядела помещение, и я почувствовала, что ей стало еще более неудобно, чем внизу, в гостиной. Ничего, быстрее расскажет, что ей требуется, и уйдет, а я вернусь к своей работе. Мысль, что за этот разговор будет заплачено полновесной монетой, приятно грела сердце.

— Слушаю вас, — кивнула ей вполне доброжелательно, устроившись на стуле, а своей гостье предложив присесть на кушетку напротив.

— Начну с главного, — еще раз прошлась взглядом по интерьеру комнаты посетительница, затем стиснула руки, сложенные на коленях, и произнесла: — Родите мне ребенка.

— Э-э-э... — протянула я, подозревая в женщине умалишенную. — Вы вообще-то понимаете, чего просите?

— Я вам сейчас все объясню, — заторопилась посетительница, нервно сжимая и разжимая пальцы рук.

— Для того чтобы ребенка произвести на свет, необходимо мужское участие, — постаралась достучаться до разума, гм... кажется, нас обеих. Так меня своими фантазиями еще никто не оgorошивал в этом заведении. Пожелание как бы имело отношение к тому, чем я здесь занимаюсь, но весьма отдаленное.

— Мы с моим мужем очень любим друг друга, и высшим счастьем в нашей жизни было бы рождение детей, — начала свое объяснение посетительница.

— Так за чем же дело стало? — усмехнулась я в ответ. — Любите друг друга, плодитесь и размножайтесь.

— Я не могу иметь детей, — опустив глаза на руки и всхлипнув, ответила она очень тихо.

— М-да, ситуация, — протянула я, а затем оживилась: — Так у вашего мужа... Я ни в коем случае не хочу вас обидеть, но мужчины — они, как бы вам сказать, ветреные. Так пусть ваш супруг поищет хорошенько, и наверняка у него найдется в какой-нибудь деревеньке «ошибка молодости».

— Нет, — печально покачала головой странная гостья, — моему мужу нужен законный наследник, а не бастард.

И по ее щекам потекли горячие слезы. Вот бездна! Мне настолько хорошо передались ее чувства, что у самой к глазам подступили слезы.

— Помогите мне, прошу вас, — взмолилась гостья и подняла на меня свои печальные глаза, которые мне удалось рассмотреть сквозь густую вуаль.

— Я-то чем могу помочь? Я не мужчина, — возразила ей.

— Родите моему мужу наследника, а я буду к нему относиться как к собственному ребенку, которого у меня больше никогда не будет, — проговорила она между всхлипываниями.

— Вы — сумасшедшая. — Я кивнула пару раз в подтверждение своей правоты.

— Нет, — печально возразила она, — я очень несчастна.

— Хотите сказать, что готовы принять в свою семью ребенка от другой женщины? — немного подумав, спросила ее. В ответ получила подтверждающий кивок. — Вот что значит аристократы! — хмыкнула я.

В последней фразе даже не пыталась скрыть свое пренебрежение. У меня не было отца, потому что какой-то ушлый господин соблазнил мою мать и бросил ее, как только узнал, что она в положении. А теперь ко мне с такой просьбой обращается женщина, чтобы удовлетворить потребности своего супруга.

— Вы хотя бы понимаете, что тем самым толкаете своего мужа на измену? — Я вздернула бровь, подчеркивая смысл сказанного.

Одно дело, когда мужчина приходит втайне от жены развлечься к нам в заведение, где «все прилично», как говорит мадам, и совсем другое — приводить другую женщину в собственную спальню для совершенно определенных действий.

— Я понимаю, я все понимаю. — Судорожный вздох. — Мой муж, он не знает, что я здесь. Он наверняка не согласится с моим решением, предпочтет остаться без наследника.

Загадочная женщина, и ее рассуждения для меня совершенно непонятны.

— Но я его слишком сильно люблю и чувствую собственную вину, что не могу дать ему то, что так необходимо. После последних событий мой организм не в состоянии даже зачать ребенка.

Слезы вновь потекли по ее лицу. Она торопливо сунула руку в крохотную сумочку и вытащила тончайшей работы платок, обшитый кружевами. О стоимости такой вещицы я вполне могла судить. От двух серебрушек до половины золотого, все зависит от марки магазина. Да уж, если эта женщина в состоянии покупать такие дорогие вещи, то представляю, сколько стоит у нее все остальное.

— Я вам заплачу!

Перехватив мой взгляд, брошенный на платок, гостя скомкала ткань в кулаке и постаралась сдержать слезы, даже поникшие плечи расправила, всем своим видом стараясь показать, что жалость ей не нужна. Однако.

— Сколько? — серьезно спросила ее.

К финансовому вопросу всегда подходила очень жестко, так меня мадам учила. Ну, кроме того, что с клиентов деньги надо брать вперед.

— Пятьдесят тысяч золотых, — поспешно прошептала женщина.

От такой суммы у меня невольно перехватило дыхание, и я просто забыла, как дышать. Просто молча смотрела на посетительницу и пыталась представить обозначенную сумму. Уж не хотят ли меня купить для утех богатого извращенца, предлагая

столь баснословные деньги? Или того хуже, пообещают и ничего не дадут. За такие деньжищи в столице можно купить доходный дом в приличном районе, так что мои опасения об истинных целях и платежеспособности клиентки вполне оправданны.

— Мало? — встревожилась гостья.

— На мой взгляд, слишком много, — подозрительно протянула я.

— Вы не беспокойтесь, я все уплачу, — заторопилась нанимательница.

— Хорошо, — чуть помедлив, произнесла вслух, стараясь поймать все нюансы ее чувств, и, чуть прищурившись, задала, с моей точки зрения, немаловажный вопрос: — Почему вы пришли в наше заведение, а не... скажем, в приличное агентство по найму прислуги? Или, к примеру, можно в глухой деревне найти здоровую девушку за меньшие деньги.

Гостья вздохнула, немного помолчала, собираясь с мыслями, а потом решила. Это, видимо, было нелегко, но она все же отважилась довериться малознакомой девушке. От нее поначалу повеяло нерешительностью, потом отчаянием, а затем женщина невероятным усилием воли взяла себя в руки и заговорила:

— Я рискнула обратиться к девушке из подобного заведения, потому что они привыкли брать на себя определенные обязательства, получая за это плату. Кроме того, уверена, специфика вашей работы состоит в том, чтобы сохранять интимные тайны клиентов.

В этом я с ней была согласна. Держать язык за зубами — это первое, чему нас учила мадам. Мы могли случайно встретиться со своими мимолетными или постоянными клиентами в городе и даже выражением глаз не имели права показать, что узнали их. Нам платят за определенную работу, и шантаж здесь неуместен. Точнее, те, кто этим занимается, долго не задерживаются в приличном заведении.

— Прислуга рассчитывает на другой вид работы, — тем временем продолжала посетительница. — Найти хорошую горничную, чтобы не распространялась о личной жизни своих хозяев, весьма трудно. А как вы понимаете, предложение у меня

специфическое. И у меня нет никакой гарантии, что, обратившись к незнакомой девушке из агентства по найму, не получу сплетницу или шантажистку.

В ответ на эти слова согласно кивнула. В этом вопросе я была полностью с ней согласна, я бы тоже далеко не каждому стала доверять семейные тайны.

— И мне бы не хотелось обращаться к своим девушкам из прислуги с таким предложением по тем же причинам, к тому же ее беременность или отсутствие на работе могут вызвать волну сплетен.

— В этом вопросе, пожалуй, вы правы, — согласилась на эти доводы я. — А что с деревней?

Мне уже становилось интересно послушать ее разумные рассуждения по этому поводу. Видно было, что она подошла взвешенно к этому вопросу, а не просто так вошла в первый же попавшийся дорогой бордель.

— Можно было бы это рассмотреть как вариант, но, боюсь, не каждая деревенская девушка так просто откажется от своего ребенка, — печально ответила мне гостя.

— Это вы зря. У крестьян весьма развита жилка предприимчивости, — возразила ей я.

— Помощь, о которой я прошу, все же деликатная, — смутилась посетительница. — Мне бы хотелось нанять девушку с определенным складом характера, которая спокойно отнесется к предложению о близости с чужим мужем.

Заканчивая эту фразу, она опустила глаза, при последних словах очень тяжело вздохнув.

Теперь становились понятны терзания несчастной. Она хотела обратиться к профессионалу, а не к той, кто польстится на большее, соблазвившись шантажом.

— А почему наше заведение? — задала ей еще один вопрос, поглядывая на часы ратуши, что виднелись в окне. Время, обычно занимаемое клиентом, подходило к концу, и пора было закругляться. — Ведь не могли же вы войти в первое попавшееся, если так все хорошо продумали?

— Как-то однажды я случайно услышала разговор двух мужчин, — немного смутилась посетительница, — один реко-

мендовал второму именно ваше, упомянув, что здесь все очень прилично.

Усмехнулась. Вот она, расхожая фраза мадам! Стала лучшей рекомендацией.

— Так вы мне можете помочь? — с надеждой спросила гостя.

То есть она посчитала, что вот так, с порога, зашла в заведение, где девушки заняты своеобразным видом деятельности, рассказала все честно, и ей тут же дадут положительный ответ? Какая наивность! Это еще хорошо, что она попала на меня, я хоть ее выслушала, а другая махнула бы рукой на чужие проблемы. Да, конечно, сумма весьма приличная, но в то же время представить себе, что придется вынашивать ребенка, а потом его отдать и навсегда забыть, это было для меня чересчур. Я-то как раз собиралась родить для себя и поселиться в том самом домике, но в отдаленном будущем, заработав на это деньги. Сейчас мне предлагали выгодный договор, решающий все финансовые проблемы. Но отдать своего ребенка в чужую, пусть даже и хорошую семью? Пусть даже этой женщине, вызывающей симпатию? Она действительно была готова любить купленное дитя, растить как своего, но мне и в голову не приходило настолько резко менять привычный уклад жизни.

— Не могу сразу дать вам ответ, — уклончиво сказала я после некоторого размышления.

Женщина сидела на кушетке и нервно сжимала кисти рук, и вся ее храбрящаяся фигурка вдруг сжалась, будто придавленная отчаянием, плечи опустились, голова склонилась, скрывая под вуалью растерянное и разочарованное выражение лица. Только мне не было необходимости смотреть на нее, чувства, испытываемые моей необычной гостьей, я ловила очень четко.

Вдруг женщина выпрямила спину, поднялась со своего места и произнесла вежливым тоном, в котором не проскользнуло ничего того, что я ощущала с помощью своей эмпатии.

— Благодарю вас за уделенное мне время и за то, что вежливо выслушали. Не смею больше отрываться от ваших обязанностей.

И направилась к выходу. В тоне или словах не было презрения к моей работе или пренебрежения к персоне, она была

лишь безукоризненно вежлива, внутренне стараясь держаться изо всех сил.

— Госпожа! — окликнула я ее. — Я обещаю, что подумаю над вашим предложением.

Посетительница резко развернулась, и сквозь плотную вуаль я заметила, как блеснули ее глаза.

— Благодарю, — чуть заметно кивнула она. — Мы с мужем выезжаем из города завтра. Буду ждать вас на первом перегоне по дороге к северу, если вы решитесь и примете мое предложение. Как вас зовут?

— Кетрин Гротт, — чуть замешкавшись с ответом, отозвалась я.

Дело в том, что я сейчас назвала свое настоящее имя, а не красивое Каролина, которым пользовалась в заведении.

— Хорошо, госпожа Гротт, я буду ждать вас. — Она вежливо поклонилась и вышла из комнаты.

ГЛАВА 2

После этого визита день не задался. Клиенты попадались капризные, требовали больше вина, обижали девушек. Мои способности позволяли успокаивать не в меру разошедшихся клиентов и уходить от совсем буйных, и когда от нас вышел последний посетитель, я осталась без сил. Повалилась на кровать, позабыв обо всем на свете.

Утром этот кошмар продолжился. Вчерашний клиент приехал рано поутру и начал колотить в дверь с криками, что его обворовали. Переполох, поднявшийся в заведении, начался с улицы и привлек внимание полицейских, заставив всех в доме встряхнуться и проснуться. В итоге во всем разобрались, «украденная» запонка нашлась в бокале с недопитым вином, сиротливо стоящим у ножки кресла, и скандалист убрался из гостиной. Именно в тот момент, когда дверь закрылась, я поняла, что с меня хватит! День еще толком не начался, а нервы вымотали все — от клиента до блюстителей порядка.

Я вернулась в свою комнату, огляделась по сторонам и начала быстро собирать вещи. Решимости было не очень много,

а потому я торопилась. Две сумки с бельем и личными вещами собраны, платья, принадлежащие заведению, оставлены в шкафу. Обувь зимняя и осенняя вместе с парой туфель аккуратно упакована в дорожный чемодан. Оставалось еще одно немаловажное дело — взять расчет у мадам.

Разговор с недовольной работодательницей прошел, как я и ожидала, на повышенных тонах. Она, разумеется, не желала отпускать одну из лучших девушек своего заведения. Но об этом факте мадам не говорила, наоборот, подчеркивала, что я рущу всю свою жизнь и вскоре мне придется довольствоваться сомнительными клиентами в портовых городах. Расчет мне в итоге не дали, а потому я гордо покинула эту обитель порока через главные двери, громко выкрикивая на всю улицу ругательства и проклятия в адрес неучливой и скаредной мадам. Чем повеселила всю округу и клиентов, задержавшихся на входе ради такого представления.

Теодор еще ранее по моей просьбе отправил багаж к почтовой станции, куда направилась и я, сердито тыча в пыльную дорогу сложенным ажурным зонтиком. Платье на мне было летнее, хотя и ярко красного цвета — наиболее привычной для меня расцветки. Низкий вырез позволял любоваться белоснежной кожей, не тронутой загаром, позволительным только крестьянкам, занятым тяжелым трудом в поле. Подол длинной юбки бил по ногам спереди, а позади с боку на бок порхали оборки из ткани, подчеркивая все достоинства волнительных изгибов тела и привлекая к моей фигуре активное мужское внимание. Как говорила все та же мадам, «реклама двигает торговлю».

Направлялась к почтовой станции, окончательно не решив, куда подамся после увольнения из заведения. Публичный скандал дал разрядку натянутым нервам, но сыграл со мной злую шутку — теперь на то, что меня возьмет хозяйка другого приличного заведения, рассчитывать не приходится. Никому не понравится своенравная девушка. А в том, что о моем громком уходе скоро станет известно, не сомневалась. Если раньше мне передавали через доверенных посыльных предложения о смене места работы, то сейчас наверняка слухи мгновенно долетят до предполагаемых работодателей.

На небе тяжело и величаво расплзалась темная туча, при взгляде на которую становилось сразу же понятно, что в скором времени погода резко испортится. Поднялся нехороший ветер, нещадно затеребил атласные ленты на шляпке, заставив их трепыхаться и издавать хлопающие громкие звуки. Длинная юбка облепила ноги и мешала при ходьбе. Ветер дул в лицо, остужая своим напором разгоряченные щеки после эмоционального разговора с мадам.

Почтовый двор встретил заполошным лаем встревоженных непогодой собак. Три кобеля натягивали цепи и метались в пределах своей территории. Лошади, запряженные в карету, тревожно всхрапывали, не желая отправляться в путь.

— Дорогу! — зычно рявкнул возница на козлах, и я поспешно сделала несколько шагов в сторону, дабы не угодить под копыта.

Подковы стучали по булыжной мостовой, рессоры поскрипывали, колеса пересчитывали спицами свой путь. Почтовая карета отбыла по маршруту, я проводила ее взглядом. Есть такое необычное состояние: когда кто-то уезжает, хочется самой отправиться в дорогу и смотреть в окно на мелькающий мимо пейзаж.

— Что угодно госпоже? — вежливо поклонился мне хозяин почтового двора.

— Чего-нибудь освежиться, — отозвалась я, делая заказ, и расположилась в зале, предназначенном для путешественников.

Особого комфорта здесь не наблюдалось, хотя было довольно опрятно, все же столица. И у приезжих с самого начала должно сложиться благоприятное впечатление от главного города нашей империи. Занавески на небольших окнах чистые и отглаженные, на подоконниках простые цветы в горшках, столы прибраны, и служанки выглядели прилично.

— Куда собралась, милая? — проскрипел голос за моей спиной.

Обернувшись, с удивлением увидела женщину раза в два старше меня. Одет бедно, но чисто. Видимо, когда-то она была очень красивой, даже сейчас заметно, что старается следить за собой. Об этом говорил ее потрепанный, но белоснежный

чепец на волосах, уложенных в затейливую прическу. Осанка гордая, спина прямая, плечи широко расправлены, только вот в глазах какая-то непередаваемая тоска. Под ее внимательным взглядом я даже поежилась. Конечно, по моему наряду разве что слепой не поймет, каким образом я на жизнь зарабатываю, но все же поблекшие светло-голубые глаза оглядели меня таким внимательным взглядом, будто знали всю подноготную моей жизни.

— Мы с вами не знакомы, — постаралась сохранить дистанцию, отвечая ей.

— И то верно, — скрипуче засмеялась женщина в ответ и, не дожидаясь приглашения, уселась напротив меня за стол.

Постаралась сделать вид, что меня беседа не интересует, и отвернулась к окну. А туча заволокла к этому моменту небо до горизонта, отчего все потемнело вокруг. Того и гляди дождь хлынет.

— Неужели мадам в отпуск отпустила? Или клиент позвал? — спросила женщина так, будто мы с ней давние знакомые.

— Вам-то какое дело? — высокомерно ответила ей.

— Ты права, мне — никакого, — радостно улыбнулась она в ответ. — А тебе?

— В каком смысле? — в недоумении посмотрела на нее я.

— Не надоело еще сластолюбцев ублажать?

— Послушайте... — начала я, но меня прервали.

— Раньше я тоже была такой, как ты. Такая же красивая, уверенная, — предалась воспоминаниям нежданная собеседница. — Наглая. Работала у мадам Каролины.

— А сейчас что? — уже с интересом отнеслась к этой особе, присматриваясь к ней внимательнее.

— А сейчас я состарилась, и ни один мужчина не кидает в мою сторону заинтересованных взглядов, — со вздохом отозвалась она.

— Ваш заказ, — принесли мне кувшин с охлажденным чаем.

— Принеси нам вина, — попросила я девушку.

— Слушаюсь, — вежливо отозвалась служанка и поторопилась на кухню за новым заказом.

— Я была лучшей девушкой у мадам, мне делали предложения, звали замуж, но я считала себя выше этого, — предавалась воспоминаниям собеседница. — Я вертела мужчинами, как хотела, ставила их на колени одним взмахом ресниц. За то, чтобы провести со мной время, платили по пятьсот серебряшек.

— Если ты так дорого стоила, то почему сейчас...

— Так бедна? — перебила она меня. — Потому что в молодости мы уверены в себе, не представляя, что нас ожидает старость. Мне казалось, что такая веселая и беззаботная жизнь будет продолжаться вечно, но постепенно поток клиентов, а вслед за ним и деньги ушли к молоденьким и веселым девушкам. Мадам стала придираться, оплата стала меньше, а клиенты старше и жаднее.

— Ты ничего не откладывала? — удивилась я. Мадам мне буквально сразу же вдолбила золотое правило «у кого золото, тот и устанавливает правила», приучая не тратить заработанное на наряды и украшения.

— Я беззаботно относилась к жизни, — махнула рукой собеседница, — никогда не думала, что состарюсь и проживу достаточно долго.

— Ваше вино, — поставила на стол второй кувшин служанка.

Я сделала приглашающий жест своей собеседнице, и та налила в свой стакан красного, явно разбавленного вина.

— Спасибо, — поблагодарила она и отпила половину.

Я охватила ладонями глиняный кувшин, раздумывая над ее словами. Неужели и меня ожидает такая же жизнь? Что со мной будет в преклонном возрасте?

— Ты никогда не пыталась что-то изменить? — немного помолчав, задала ей вопрос.

— Никогда, — покачала она медленно головой. — Плохое вино. Когда-то я пила самые лучшие сорта, а сейчас поступила служить прислугой в дом стряпчего. Приходится смотреть за его сварливой женой, которая подозревает меня в связи со своим мужем и пытается на мне отыграться.

— Невесело, — прокомментировала я и снова посмотрела в окно на улицу, где как раз в эту минуту начинался дождь.

Крупные капли падали на землю, как обещание будущего ливня, прибывая пыль на дороге и обдавая запахом свежести. Воздух щекотал ноздри, хотелось дышать глубже, вдыхать разреженный воздух, и не было никакого желания улавливать рядом с собой аромат дешевого вина.

— Послушай меня, — наклонившись над столом, прошептала слегка захмелевшая женщина. — При первой же возможности бросай свою мадам и беги от этой развеселой жизни, где все погрязло в пороке и разврате. Возьми свою судьбу в свои руки и покажи смачный кукиш противным богам, пристроившим тебя в заведение. Построй свои планы на будущее, используй малейший шанс повернуть реку жизни на свою мельницу, только тогда ты будешь счастлива. И не верь тому, кто будет обещать тебе золотые горы, стараясь вернуть за ажурные двери борделя. Отец продал меня Каролине в двенадцать лет, тогда не было выбора, но позже я по собственной глупости оставила все как есть, о чем сейчас очень жалею. А у тебя еще все впереди, ты можешь изменить свою судьбу и обмануть хищного дракона. Используй любую возможность вырваться из плена заведения, где деньги легко достаются и тратятся так же.

Я оторопело внимала этим словам. Каждый раз, когда женщина открывала рот, до меня доносился запах вина как напоминание о моих захмелевших клиентах. Сейчас эта картина чрезвычайно ясно предстала перед моим мысленным взором. Мелькание мужских лиц, их предвкушающие улыбки и похотливый блеск глаз. И тут же на меня смотрели выцветшие бледно-голубые глаза, заставляющие прислушаться к словам о переменах. Я четко ощущала эмоции собеседницы — презрение к жизни в борделе, к себе и загубленной жизни в утеху мужчинам. Создавалось ощущение, что она видит во мне себя и дает совет себе самой из прошлого бросить все и начать новую жизнь.

Медленно поднялась на ноги, и в этот момент молния раскrojила черный небосвод. Раскаты грома разорвали шелест дождя за распахнутыми еще при летней дневной жаре окнами. Меня впечатлило символическое совпадение. Встревоженно посмотрела на усилившийся ливень, предчувствуя, что сейчас

в моей жизни будет тот самый поворот, о котором говорила подвыпившая собеседница.

— И платье смени. Оно не подходит для новой жизни, — плеснув в свой бокал еще вина, проговорила женщина, старательно выговаривая слова.

— Платье чем тебе не угодило? — Я перевела взгляд на бывшую товарку, но та совсем захмелела и больше не обращала на меня внимания.

Женщина опустила голову и что-то шептала глиняному стакану, кажется, жаловалась на свою судьбу. Я расплатилась за холодный чай и вино и попросила комнату, чтобы привести себя немного в порядок и успокоиться после странного разговора.

— Подскажите, когда отправляется почтовая карета на север? — поинтересовалась у служанки.

— Через два часа, — вежливо отозвалась она, поглядывая на оставленный мной столик.

Впрочем, теперь меня мало заботила собеседница, ей вполне хватало общества кувшина вина. Я поторопилась в крохотную комнату, куда по моей просьбе перенесли мои сумки.

— Платье... Чем ей не понравилось мое платье? — озадачилась я, рассматривая себя в небольшом мутном зеркале, висящем на стене. — Вызывающее немного, но я уже давно привыкла к цвету и фасону.

Раскрыла сумки и начала перебирать свой гардероб. Нет, не было у меня там простых вещей, носимых обывателями. Вся моя одежда была призвана привлекать внимание. Под руку попала теплая шаль темно-серого цвета из натуральной шерсти. Даже помню, когда ее покупала. Тогда так же, как сейчас, начался сильный дождь, и я пожалела тонкий шелк платья, потому купила в лавке недорогую вещь, а затем выкинуть рука не поднялась. Сегодня же запихивала в сумки только то, что принадлежало лично мне, потому серая шаль оказалась в моем багаже. Что ж, в такую погоду она вновь сослужит мне добрую службу.

Волосы уложила в высокую прическу, убрав локоны под шляпку, летний ажурный зонтик от солнца отправился в сум-

ку, с губ стерла карминовую помаду, которую нанесла по привычке. Если менять свою жизнь, то нужно начинать с внешности.

Не могу сказать, что я окончательно решилась на предложение незнакомки. Мне до конца не верилось в достоверность ее истории. Слишком много вопросов возникало. Если то, что она рассказала, — правда, я понимала ее решение оставить все в тайне. Никакая подруга или знакомая не в состоянии даже из лучших побуждений хранить долго такой секрет. Здесь же женщина рассчитывала, что, обратившись к человеку моей профессии, может рассчитывать на щедро оплаченное молчание. Пятьдесят тысяч золотых! Очень приличная сумма, чтобы начать новую жизнь хоть в столице, хоть в провинции, не оглядываясь на прошлое. Я вполне могу построить себе такую жизнь, как захочу. Бывшая работница увеселительного заведения права в одном: молодость быстро проходит и о своем будущем надо позаботиться заранее. Я никогда не задумывалась о судьбах тех девиц, что достигали возраста и покидали мадам. Куда они отправлялись? Как сложились их судьбы? Конечно, я не получила расчет за полмесяца, но все же надеялась, что смогу выбить из бывшей работодательницы причитающееся жалованье. Мне хватит характера вернуться обратно в заведение и вытребовать деньги. Новую жизнь уже сейчас нужно строить на что-то.

— Госпожа, карета на север готовится к отправлению, — раздался голос служанки из-за двери. — Вы едете?

— Да! — решительно крикнула в ответ.

Незнакомка назначила встречу на первом перегоне. Вот там и буду принимать окончательное решение. Я еще ее мужа не видела, хотя богатый опыт в общении с мужчинами мне подсказывал, что проблем с ним не будет.

Серая шаль защищала от дождя, согревала и скрывала мой вызывающий наряд, а почтовая карета тем временем по раскисшим дорогам увозила мою скромную персону в окружении других пассажиров на север. Как мне сообщил кучер, первый перегон будет лишь после четырех часов езды, а значит, мы

прибудем туда далеко за полночь. Откинувшись на обитую кожей спинку сиденья, сложила руки на груди, плотнее закутавшись в теплую ткань, и постаралась задремать. Хотя организм и был уставший, но привык в это время бодрствовать, поэтому сон никак не мог сморить меня.

В голове всплывали обрывки разговоров с обеими незнакомками, и меня удивляли эти странные совпадения. Женщина зашла среди бела дня в заведение, которое порядочные дамы не посещают, и обратилась именно ко мне. Не занятая с клиентами, я прониклась любопытством к неожиданной посетительнице, но все же не могла не озадачиться тем обстоятельством, что ей повезло встретить именно меня. Вторая странность — нервный рабочий день, точнее, ночь, а наутро допрос из-за кражи, хотя мадам права, у нас всегда все было прилично в этом отношении. И третья странность: мне довелось случайно столкнуться с бывшей девушкой из борделя, так активно убеждающей меня бросить заведение, пока есть возможность. Я привыкла доверять своей интуиции и, прислушиваясь к чувствам таких разных женщин, понимала, что они обе были со мной откровенны. Все вроде бы пока складывается удачно. Только меня мучил один вопрос: для кого? Кому боги благоволят в этой ситуации?

Буду решать проблемы по очереди, решила, не найдя ответа. Может быть, действительно я приглянулась кому-то из богов, и он решил помочь мне неизвестно за какие заслуги. Или, наоборот, устроить грандиозную подставу. В общем, ухо надо держать востро и при разговоре с незнакомкой вести себя осторожно. В том, что она не представилась, нет ничего удивительного, ведь женщина пришла в дом терпимости, здесь обычно не называют себя, но дальше ей придется раскрыть свое инкогнито.

Карета замедлила ход, заскрипев рессорами на повороте, невдалеке послышался ленивый лай дворовых псов. Мелькнули факелы в руках у выбежавших слуг, распахнулись дверцы, впуская внутрь салона, согретого дыханием пассажиров, влажный воздух летней ночи. Зябка повела плечами и потянула носом, почуяв запах позднего ужина, доносящийся из приоткрытой двери почтовой станции.